

Старые портные говорили об этом с видом знатоков:

– Клиенты – это клиенты, а жизнь – это жизнь. Мы, конечно, женаты, у нас есть дети, и наши жёны обо всём этом знают.

Говоря это, на их лицах появлялись даже какие-то озорные улыбки, словно речь шла о забавной семейной истории.

Эти портные не были геями. Орвицка мог себе представить, что они оказывали услуги не только клиентам-мужчинам, но и не отказывали клиенткам, когда те просили об этом. Это было своего рода... дополнительным бонусом от портного?

Жена молодого портного, дочь одного из партнёров ателье, тоже знала об этом. А её отец, четвёртый партнёр ателье, от такого удара слёг и до сих пор находился в больнице.

– Значит, об этом легко могли узнать посторонние?

Один из портных покачал головой:

– Наши утехы с клиентами не выходят за пределы примерочной. Никто об этом не говорит, посторонние ничего не знают.

– Не так уж и не выходят, – задумчиво произнёс другой старый портной. – Вы же знаете, иногда нас приглашают домой к клиентам для снятия мерок и примерки.

Об этом могли знать лишь посвящённые, ну или тот, кто случайно подслушал разговор в доме клиента. Так что это было всё равно что ничего не сказать.

– Неверно, – внезапно сообразил Орвицка. – Вы только что сказали, что у молодого Уинтерсена была тайная связь с неким господином. Это значит, что их отношения выходили за рамки "развлечений в примерочной", верно? Кто этот господин?

Надо сказать, что быть любовником – это тоже своего рода ремесло, подразумевающее долгие и стабильные отношения, в которых одна, более состоятельная сторона, платит деньги, а другая, менее состоятельная, предоставляет "услуги".

– ...

Два старых портных переглянулись, на их лицах появилось выражение затруднения.

Они тоже хотели найти убийцу своего старого партнёра, поэтому только что и поделились этой информацией. Но если они назовут полиции конкретного человека, то ателье потеряет как минимум одного старого клиента. А если слух о том, что они разглашают тайны клиентов, распространится, то они рискуют растерять клиентуру.

Как говорится: мёртвые уже мертвы, а живым надо жить.

Поэтому они, начав рассказ, тут же стали уводить разговор в сторону, надеясь, что полицейские сами забудут об этой теме.

– Хотя это и звучит несколько бесстыдно, господа, но если вы не скажете, то готовьтесь к тому, что каждый день в вашем магазине будут дежурить полицейские. И ещё... кое-что мы можем вам сообщить: тот самый господин Оборотень очень любит нападать на мужчин, которые изменяют. Так что и тот господин, у которого была тайная связь с молодым Уинтерсеном, и вы

все, находитесь в одинаковой опасности.

Угроза делу или угроза жизни – выбор был очевиден, и он наконец напугал портных.

Они переглянулись и произнесли имя:

– Господин Перри Хофорт.

Это имя показалось Орвицке смутно знакомым. Вероятно, в день его приезда в Хаарлем, на приёме в городской ратуше, какой-то господин, стоявший рядом с мэром, представился ему.

Но кто именно, предстояло выяснить у шерифа позже.

– Насколько вам известно, молодой Уинтерсен или его семья могли кому-то рассказать об этом?

– Мы – портные, работающие на лучшей улице Хаарлема. Почти все достаточно респектабельные господа и дамы Хаарлема хотят покупать одежду в нашем магазине. Вы знаете, у многих господ и дам есть свои маленькие секреты. И видите ли, если бы мы не сказали, вы бы тоже не узнали о тайне молодого Уинтерсена.

– У нас есть моральные принципы, господин офицер.

Два портных говорили по очереди, их тон был гордым, почти самодовольным.

Орвицка попрощался со старыми портными. Похоже, понятие морали тоже гибко менялось в зависимости от обстоятельств.

По дороге к дому Хофортов шериф подробно рассказал Орвицке об этом господине:

– Господин Хофорт – человек мягкий, у него гармоничная семья, я не слышал ни о каких его изменах. Господин Хофорт – землевладелец и домовладелец, один из первых, кто двадцать лет назад предложил сотрудничество мэру Брэкену. Его основной доход – это арендная плата за землю и жильё.

Хофорт также очень старомодный джентльмен с хорошей репутацией, он не распутен. Его ежедневный досуг – это чтение, охота, верховая езда, балы и салоны у себя дома, то есть обычные развлечения аристократа.

– ...

Орвицка был слишком беден, чтобы понять значение слова "обычные".

– У него и госпожи Хофорт трое детей: два сына и дочь. Старший сын учится в одном из университетов Содмана, но в каком именно, я не знаю. Младший сын учится в государственной школе Хаарлема, а дочь живёт с ними дома.

– Если бы госпожа Хофорт узнала, что у её мужа есть любовник, как бы она отреагировала?

– Не знаю, – покачал головой шериф.

– Я знаю, и знаю давно, – ответила госпожа Хофорт.

Супруги, которых потревожили посреди ночи, не стали злиться на полицейских, понимая, из-за

какого дела они пришли. В их доме было несколько мужчин, явно не слуг, скорее всего, наёмников. Эти господа смотрели на полицейских не очень-то дружелюбно.

Перед началом допроса слуги и наёмники удалились. Журналист Розенберг тоже тактично ушёл. То, что шерифу доверяли, не было удивительным, но немного удивило Орвицку, что и ему доверяли. В общем, супруги отвечали на вопросы очень спокойно.

- Но что в этом такого странного? - по выражению лица госпожи Хофорт было видно, что она не понимает, почему о таких мелочах вообще нужно спрашивать.

Похоже, это не та госпожа, что наняла убийцу из ревности. Эмоционально Орвицка не мог этого понять, быть женой гея - это ужасно, но с прагматической точки зрения, он мог понять позицию этой госпожи. Богатство семьи в основном исходило от мужа, дети уже выросли, муж не был с ней скуп, не бил её, и с некоторых точек зрения даже был нежен и заботлив. Так что, если мужу обязательно нужен был любовник, какой любовник был бы в интересах госпожи?

Конечно же, любовник-мужчина.

Особенно если у него тоже есть семья и свои дети, то вложения мужа в любовника будут ограничены. К тому же, от мужчины и мужчины не родятся дети, и не будет незаконнорожденных, которые могли бы претендовать на её и её детей наследство.

- Подождите, убийство семьи Уинтерсенов связано с нашими отношениями? - внезапно спросил господин Хофорт.

- О, Боже! - госпожа Хофорт тоже запоздало поняла, что происходит, и вскрикнула.

- Мы пока что предполагаем это.

- Разве... разве их всех не убил тот оборотень? - спросил господин Хофорт, и на его лице промелькнула тень печали.

- Убийца не убивал без разбора, он выбирал своих жертв, - Орвицка внимательно наблюдал за реакцией обоих.

Действительно, на лицах супругов страх стал ещё отчётливее.

- Не волнуйся, дорогая, я попозже найму ещё нескольких телохранителей.

Госпожа Хофорт кивнула, крепко обнимая мужа за руку - судя по их поведению, эта пара очень доверяла друг другу.

Орвицка с трудом подавил гримасу. В Нортонской империи было немало "странных" семей, но каждый раз, сталкиваясь с ними, он получал удар по своим представлениям о мире.

- О ваших отношениях с молодым Уинтерсеном, кроме людей из ателье, семьи Уинтерсен и вашей супруги, кто-нибудь ещё знал? Пожалуйста, подумайте хорошенько, ведь вполне возможно, что вы столкнулись с убийцей.

- Мой дворецкий точно знал, другие слуги, возможно, тоже знали, и ещё... - господин Хофорт на мгновение явно что-то вспомнил, но в итоге покачал головой. - Нет, больше никто.

- Можем ли мы допросить ваших слуг?

- Конечно.

Допрос слуг, разумеется, ничего не дал. Собственно, тот факт, что шериф совершенно не знал о любовной связи господина Уинтерсена, уже говорил о том, что слуги в этом доме тоже были очень "порядочными" - они держали язык за зубами и никто не разглашал подробности жизни хозяев.

Значит, это дело, в отличие от дела госпожи Бернетт, не было связано с наймом?

Супруги Хофорт приготовили для всех обильный ужин. Когда время приблизилось к двум часам ночи, так ничего и не добившись, все наконец решили откланяться.

Однако, уже выходя за дверь, Орвицка внезапно остановился и обернулся.

Господин Хофорт обеспокоенно спросил:

- Офицер Мондэйл, вы что-то забыли?

Орвицка с некоторой нерешительностью повернулся:

- Прошу прощения, ваша дочь... дома?

- !!!

- Дженни дома, но сейчас обстановка её очень напугала. Дорогой, ты...

Госпожа Хофорт вполне естественно хотела отказать, но когда она повернулась к мужу за поддержкой, то заметила, что выражение его лица было каким-то неправильным. Он был до ужаса напуган.

Как и сказала госпожа Хофорт, для незамужней молодой леди было совершенно нормально спрятаться, когда в доме внезапно появилась группа незнакомых мужчин. Соблюдение приличий - вещь, присущая любой стране. Неважно, насколько раскованной была эта леди или её семья на самом деле, из соображений приличия она должна была спрятаться.

Когда Орвицка обернулся и спросил, господин Хофорт испугался, но по-настоящему его напугало то, что он понял: Орвицка заметил изменение в его выражении лица и заподозрил его.

- Я... да! Конечно, да! - господин Хофорт кивнул жене. - Господа, прошу прощения, Дженни, вероятно, уже спит. Нельзя же будить девушку в такое время, вы согласны?

- ...Господа, дамы, вам лучше временно удалиться, - Орвицка взглядом указал на слуг и наёмников. Хоть Хофорты и были недовольны словами Орвицки, они всё же кивнули.

Когда те удалились, Орвицка, пристально глядя на господина Хофорта, спросил:

- Мисс Дженни тоже знала о вашей ситуации, и... она когда-нибудь делала что-то, что заставило вас её подозревать?

На этот раз Орвицка действительно вспомнил об этом, выходя за дверь, в доме оставался ещё один человек, а не специально оставил это напоследок, чтобы нанести решающий удар.

Этот рантье, живущий в роскоши, не отличался большим умом. Поняв, что отреагировал

неадекватно, он явно запаниковал, и даже руки его, опущенные по бокам, задрожали так, что ему пришлось вцепиться в свои брюки:

– Нет, ничего, никогда.

– Мы вас так радушно принимали, господа, а что вы сейчас делаете? Подозреваете нашу дочь в связи с этим ужасным чудовищем? – госпожа Хофорт тоже что-то поняла и крепко схватила мужа за руку.

– Уважаемые господин и госпожа Хофорт, я думаю, вы не забыли, что мы только что говорили? Цель этого оборотня – "изменники". Если ваша дочь связана с оборотнем, какой толк нанимать ещё больше охранников? В комнате мисс не будет же охранников, верно? Тогда сможете ли вы спокойно входить в её комнату?

– Что ты такое говоришь?! – в ярости воскликнула госпожа Хофорт. – Какими ужасными словами ты обвиняешь леди?! О, Свет! Ты страшнее того оборотня!

– Как полицейский, я знаю одно: у убийц очень низкая моральная планка, – перед лицом обвинений Орвицка искренне вздохнул.

Это касалось даже его самого. Когда он только попал в этот мир, он был довольно наивным. Впервые убив человека своими руками, он чуть не сошёл с ума от страха. А сейчас? Он уже мог убивать, не моргнув глазом. Если бы он не прожил почти тридцать лет в современном мире, и его мировоззрение не было бы в основном сформировано, если бы он попал сюда лет в семнадцать-восемнадцать, то Орвицка был уверен, что сейчас он либо стремился бы завести гарем, либо пытался бы вернуть Род Крови на вершину мира, а скорее всего – и то, и другое.

Госпожа Хофорт всё так же пристально смотрела на Орвицку:

– Уходите! Пожалуйста...

– Пойди, позови Дженни, дорогая, – внезапно господин Хофорт положил руку на плечо своей жены.

Госпожа Хофорт недоверчиво обернулась. Тогда господин Хофорт повторил ещё раз, очень уверенным тоном:

– Позови Дженни.

– ...

Госпожа Хофорт пристально смотрела на него, и наконец сказала:

– Конечно, дорогой.

Госпожа Хофорт, приподняв юбку, повернулась и ушла. Поднимаясь по лестнице, она обернулась и посмотрела на него взглядом, полным вражды.

"Госпожа Хофорт, очевидно, не изменяла мужу, и если оборотень и убьёт кого-то, то это будет её муж. Их старший сын уже достаточно взрослый, чтобы без проблем унаследовать всё отцовское состояние. Госпожа Хофорт, конечно, ничего не боялась, и даже, став богатой вдовой, могла бы жить ещё привольнее. Но господин Хофорт, после недолгого беспокойства о репутации дочери, всё же больше беспокоился о своей жизни".

В доме воцарилась недолгая тишина. Этот разговор у входной двери не миновал ушей полицейских и Розенберга. Они, в общем-то, уже поняли, что к чему. Розенберг был в восторге – одна эта история взорвёт продажи газеты.

– На помощь!! Помогите!

Женский крик внезапно донёсся со второго этажа. Орвицка тут же взлетел по лестнице.

Розенберг хотел было последовать за ним, но его оттеснили полицейские.

Орвицка ворвался в комнату, откуда доносился крик. С видом убийцы он выбил дверь и вбежал внутрь, но увидел лишь госпожу Хофорт, которая наполовину высунулась с балкона и, с трудом повернув голову, звала на помощь.

Орвицка в два прыжка подскочил к ней. Госпожа Хофорт схватила его за одну руку, а другой он схватил мисс Дженни за балконные перила и втащил её внутрь. Как только девушка коснулась ногами пола, она крепко обняла уже сидевшую на полу мать, и обе зарыдали.

– Выйдите пока, господа, – Орвицка посмотрел на полицейских.

Шериф тоже повернулся и стал выталкивать своих подчинённых. Розенберг, с трудом добравшийся наверх, по взгляду Орвицки понял, что ему тоже придётся спуститься. А господин Хофорт так и не поднялся.

Когда почти все ушли, шериф лично встал у дверей комнаты, оставшейся без двери. Встретившись взглядом с Орвицкой, он сделал жест рукой вниз и беззвучно произнёс: "Поберегите её".

Орвицка повернулся и сел на пол, так, чтобы его глаза были на одном уровне с глазами госпожи и мисс.

Эта девушка и госпожа Бернетт из дела об убийстве адвоката обе были заказчицами. Если бы Орвицка был главным, они обе, несомненно, понесли бы ответственность за свои поступки. Но сейчас Орвицка был здесь только для расследования, а главным был шериф. Что будет с госпожой Бернетт, Орвицка не знал, но что касается этой мисс... жест шерифа ясно давал понять: давить на девушку не стоит. А значит, и продолжать расследование в этом направлении он не намерен.

"По крайней мере, на первый взгляд не намерен. В конце концов, докапывался до сути Орвицка, а не он".

– Мисс Дженни, я знаю, вы ведь тоже не хотели, чтобы это случилось, верно? – Орвицка старался говорить медленнее, чтобы его слова казались безобидными.

Как мать, госпожа Хофорт свирепо посмотрела на Орвицку, но мисс Дженни подняла голову из её объятий и посмотрела на Орвицку:

– Спасибо, что спасли меня, господин полицейский, – она вытерла слёзы. – Я... я не думала, что такое действительно случится.

– Что именно?

– Я испугалась, выбежала на улицу и плакала под тем большим буком. Какая-то незнакомка

спросила меня, что случилось. Я велела ей уйти, мне было не до разговоров. Но она сказала, что поможет, если меня предал мужчина. Затем она подошла и нежно обняла меня.

Я тогда была в панике, очень... напугана, я не могла себя контролировать. Хотя я совсем не знала её, я подумала, что и она меня не знает, ведь я всё время закрывала лицо, так что я могла ей рассказать. Я рассказала ей, что какой-то мужчина соблазнил моего отца! И что вся его семья – негодяи! Тот старый портной тоже знал, что происходит с его сыном, и помогал ему... помогал ему...

Отвратительно! Мерзко!

Мисс Дженни, становясь всё более возбуждённой, прикрыла рот рукой, и её стошнило.

Сначала он подумал, что эта хорошо защищённая семьёй мисс просто увидела какие-то картинки, но, судя по её словам... она, похоже, видела всё от начала до конца, включая и то, что было после. Это действительно был сильный шок. Даже на Голубой планете, где увлекающиеся историями о мужской любви фанатки яоя не всегда могли принять реальность. Орвицка однажды в своём любимом баре видел компанию девушек, которые, увидев его, вздохнули с облегчением, но, посмотрев на других, их выражение лица стало очень странным.

Орвицка отодвинулся назад. Похоже, у мисс Дженни появилась некоторая тень в отношении мужчин.

Он подождал, пока мисс Дженни немного успокоится, и продолжил:

– Вы сказали "она", это была леди?

Неужели убийца – женщина? Орвицка вспомнил спину человека в маске, которого он преследовал, и не был уверен, мужчина это или женщина. Человек был слишком хорошо закутан.

– Конечно, женщина! – этот обычный вопрос заставил мисс Дженни почти закричать. – Добрая леди!

– Не волнуйтесь, расслабьтесь, расслабьтесь. Скажите, пожалуйста, она вам что-нибудь обещала?

– Да, она обещала. Она сказала, что поможет мне, поможет избавиться от этой злобной семьи! Н-но я думала, это просто вежливость, ведь на ней было синее хлопковое платье, а от неё пахло дешёвым цитрусовым ароматом.

– Она попросила вознаграждение?

– Да, она забрала у меня одно ожерелье.

Мисс Дженни неосознанно коснулась шеи.

– Оно стоило не меньше пятидесяти золотых гербов. Я обнаружила, что ожерелье пропало, только когда вернулась домой. Я подумала, что та женщина – мошенница.

Выражение лица мисс Дженни становилось всё более отвращённым и раздражённым. Похоже, тот день был для неё крайне тяжёлым.

– Вы потом видели эту леди?

- Нет, - покачала головой мисс Дженни. - Я всё время смотрела в пол, закрывая лицо руками, я так и не увидела её лица, и она, наверное, тоже не видела моего.

- Тогда как она узнала, какого портного искать? Вы точно сказали ей адрес семьи Уинтерсен?

- ...

Мисс Дженни отвернулась.

- Откуда мне знать, где живёт тот портной, я даже не знала их фамилии. Я знала только, что они из ателье "Напёрсток".

- Каким был акцент этой леди? Были ли у неё какие-то особые словечки?

- Я не помню.

- Пожалуйста, подумайте хорошенько.

- Я не...

Мисс хотела было закапризничать. Она сердито повернулась к Орвицке, но встретила его холодный взгляд. Хотя у него было детское лицо, серые глаза обладали большой силой.

- Нет... правда, нет... э-э, у неё был очень мягкий голос... на самом деле, она почти не говорила, в основном говорила я. Всего несколько фраз, голос был очень мягкий, вот и всё, больше ничего, клянусь.

- Госпожа, я думаю, вы сейчас примерно догадываетесь, в какой день это произошло. Не могли бы вы вспомнить, была ли в тот день дома или поблизости леди в синем хлопковом платье?

- Нет, я не помню.

- В тот день были какие-нибудь незнакомые посетители?

- Я не... - госпожа Хофорт что-то вспомнила, она посмотрела на Орвицку. - Я действительно не хочу отвечать на ваши вопросы, но вы, похоже, не из тех, кто знает, что такое сдаваться. В те дни мы наняли несколько акробатов. Часть из них выступала на балу, а другая - на гумне, так что посмотреть на них приходили крестьяне из других мест, среди них было много незнакомцев.

Улика только что была найдена, и тут же снова оборвалась?

- Можете сказать мне, как выглядело ваше ожерелье? Или, может, вы можете его нарисовать?

Эти барышни из богатых семей получали очень всестороннее образование, так что должны были уметь рисовать.

- ...Хорошо.

Действительно, мисс Дженни согласилась.

Это была очень тонкая, но изысканной работы золотая цепочка, украшенная мелкими изумрудами, с подвеской в виде озорного золотого кролика. Это было не парадное ожерелье, а просто любимое повседневное украшение мисс Дженни, поэтому оно было очень дешёвым.

<http://bllate.org/book/17916/1715950>